Ледяные трущобы

Автор:
Дмитрий Королевский

Ледяные трущобы

Дмитрий Королевский

Апокалипсис с небес #2

Сначала была ЖАРА, КРОВАВАЯ ЖАРА!

Но мир не стоит на месте, как и те, кто почти захватил его.

Иное испытание для новых и уже полюбившихся героев – ХОЛОД и он будет ужасным!

Это вторая книга из серии «Апокалипсис с небес» – «Ледяные трущобы»!

Дмитрий Королевский

Апокалипсис с небес. Книга 2. Ледяные трущобы

Интерлюдия 1

Однажды в студёную, тропическую ночь…

Ночью человек слаб. Ночью человек беззащитен. Ставший вдруг черно-белым мир пугает его, рождая в мозгу образы его личных страхов. Человек ждет

рассвета, ему необходим солнечный свет, он спасет его. Но это всего лишь заблуждение. С закатом все повторится по новой.

И снова человек, словно тщедушная букашка, забьется в укромное местечко и будет трястись всем своим слабым телом. А взгляд его станет с надеждой взирать в небеса и ждать, когда ночь потушит миллиарды своих холодных глаз и землю озарит рассвет.

Это замкнутый круг, и его не разорвать. Потому что ты – человек. Ты живешь страхом, он тобой движет. Да, порой он побуждает тебя к решительным действиям и тебе кажется, что все, ты его победил. Однако это не так, и ты в этом вскоре убедишься.

Нестерпимый холод сковал тело, жгучая боль, растекавшаяся по обмороженным конечностям, заполнила все сознание девушки. Линда даже позабыла о своей фобии, что неотступно шла за ней всю ее недолгую жизнь. Она больше не думала о мраке ночи как о чем-то ужасном. Безразличие овладело ею. Безразличие ко всему, даже к собственной жизни.

Едва переставляя ноги, словно живой мертвец, девушка брела по заснеженной темной улице. И только кусавший ее мороз, причинявший страдания, напоминал о том, что она еще жива. Она-то жива, а вот Дэйв…

Линда скосила взгляд на озябшие руки. Кровь любимого, в изобилии забрызгавшая конечности, заледенела на синеющей коже. Почему же все так получилось? Почему в этой жизни рано или поздно кому-то или чему-то приходит конец? Это несправедливо! Они же любили друг друга! Любили так, как никто другой на земле! Никому не мешали, никого не трогали. Жили каждый день строя планы и по возможности осуществляли их не смотря на всю тягостность нынешней жизни. Они просто любили друг друга. А его взяли и забрали!

«Кто, смерть? Тогда ответь же мне, сука костлявая, ЗАЧЕМ? – вопросы без ответов всплывали в мозгу Линды один за другим. – Зачем было забирать Дэйва? Ты же знаешь, старуха, что я без него не смогу! Он все, ради чего я жила! Или ты таким способом решила убить сразу двух зайцев? Ты прекрасно понимаешь, теперь я долго не протяну».

Линда осознавала, что все это бред, она разговаривает сама с собой, никто ее не слышит. Однако твердый голос внутри продолжал спорить, спрашивать, он даже кричал, пытаясь докопаться до истины. Ответов, конечно, не было.

Жуткий, невиданный для таких широт холод сковал этот некогда красивейший тропический уголок. Город, и без того разрушенный войной с ожившими мертвецами, а потом и с их «кукловодами», покрыли снега. Оставшихся людей охватила паника, никто не был готов к такому повороту событий. Начались болезни и, как следствие, – смерти. А столбик термометра с каждым днем опускался все ниже и ниже. Человека, отправившегося на улицу и через тридцать минут не возвратившегося, можно было не ждать. Мир окончательно сошел с ума! Или ему в этом помогли?

Линда с трудом сделала еще один шаг и упала. Она больше не чувствовала ног. Ей даже почудилось, что они попросту разбились, разлетаясь на сотни кусков красного льда, когда девушка рухнула в снег. А ведь с того момента, как Линда оказалась на улице, прошло не больше десяти минут. В их уютном гнездышке было тепло, в буржуйке потрескивали дрова, и пахло едой. Она сварила макароны, а на десерт была размороженная банка консервов. Но Дэйв ничего не ел, лежал обливаясь холодным потом и смотрел в потолок. Он почти не разговаривал, а рана на его руке вспухла, превратившись в огромный багрово-синий волдырь. Девушка знала, ее любимый умирал, а что еще более страшно – превращался в зомби. А еще она знала, что он боялся за нее. Поэтому на его часто вздымающейся груди, упершись дулом в подбородок, лежал дробовик.

–

– Когда я обращусь, не мешкай, стреляй сразу в голову, – в его мутных от боли глазах стояли слезы.

Да, он просил ее сделать это. Он просил убить его! Уговоры Дэйва не увенчались успехом, тогда он заверил ее, что сделает это сам. Что не упустит момента и вовремя надавит на спусковой крючок. Ведь теперь, когда в ней зреет его семя, она обязана жить. Наивный – как же она сможет выжить одна, да еще и выносить ребенка, когда его не будет рядом. Не будет его – значит не будет и ее. В этом обледенелом городе ей некому больше помочь. Последний раз живых людей они видели три месяца назад, когда холод только вступал в свои права.

Дэйв умел держать свое слово, эта мужская черта характера всегда нравилась в нем Линде. Она была рядом и держала его за остывающую руку, несмотря на то, что Дэйв требовал не приближаться к нему. Девушка почувствовала все сама и до того, как прогремел выстрел, оросивший ее кровью вперемешку с серым веществом мозга, успела заглянуть в его угасающие глаза. А потом она вскочила и выбежала из дома. Верхняя одежда? Да зачем она теперь нужна!

Она больше не боялась темноты, и морозная ночь не вызывала в ней никаких эмоций. Все самое страшное в ее жизни уже случилось, а дальше не будет ничего. Только смерть.

Заплаканные ресницы смерзлись, и девушка погрузилась во мрак. Лишь чуткий слух подсказывал Линде, что кто-то приближается к ней, скрипя по снегу ногами.

Глава 1

Монстры снегов

– …Село Оймякон находится на востоке Якутии, население села – 512 человек (2012).

Продолжительность дня варьируется от трех часов в декабре до двадцати одного часа летом, также в летнее время наблюдаются белые ночи и светло круглые сутки. Село находится на высоте 741 метр над уровнем моря, – назидательно подняв палец, без запинки прочитал Лёс. – Так, так, так, что там еще интересного… ага, климат резко континентальный… ну, тут еще про какие-то «экстремальные точки Земли»… а, ну вот, самая низкая температура на земле была зафиксирована в 1983 году на станции «Восток», она упала до – 89,6 °С, или около – 128,6 градусов по Фаренгейту. В таких условиях специальная аппаратура работала на пределе, но работникам станции «Восток» удалось не только без потерь пережить этот день, но и сделать важные замеры. Во как!

Денис отложил книгу на стол рядом с горящей свечей.

– Ну, раз полярники пережили, и мы переживем, – ободряюще похлопав друга по плечу, сказал Пашка Клим. – Тем более что наши – 56 °С – это не их – 89!

– Оптимистично, молодой человек, что весьма похвально! – без доли иронии проговорил отставной майор Петр Звягин. – Вот на таких людях и держится сейчас наш умирающий мир.

В полутемном кабинете майора, освещенном лишь расставленными на столах свечками, было шесть человек. Сам бывший военный, Лёс и Клим, сидевшие на панцирной кровати, напротив стола Звягина, Сивый, расположившийся на табурете рядом с радистом-любителем Лёхой и снайпер Ванька Немец.

– Что-то ребята задерживаются, – с тревогой в голосе проговорил Лёс. – Погода сегодня не самая лучшая, но и не та, что была на прошлой неделе.

Молодые люди переглянулись, каждый вспомнив не прекращавшуюся несколько дней снежную бурю. Именно на долю Дениса, Пашки, Ваньки и Лёхи выпала добыча и поиск пропитания в эту суровую, адски трудную неделю.

За последние месяцы жизнь оставшихся в живых возрожденцев, конечно же, изменилась, как и окружающий их мир. И эти изменения были не в пользу людей. Глубокие, непроходимые снега укутали разрушенный город, засыпав дороги, превратив ландшафт в белую пустыню, из которой гнилыми клыками торчали остовы домов. Частые бураны и крепчающий с каждым новым днем мороз отрезали людей от без того скудных источников пропитания. Добраться до ближайших магазинов и продовольственных складов стало практически нереально. Но голод поистине творит чудеса!

– Уже час прошел, как Макс должен был связаться с нами, – с тревогой в голосе проговорил Лёха. – Не дай бог на Снегозмей нарвались!

– Ага, накаркай давай! – погруженный в собственные мысли Сивый оживился. – Если это так, то шансов выжить у ребят мало.

Сидевшие закивали, смотря на бывшего десятника, – кому как не ему лучше знать, чем чреваты такие вот встречи с новыми монстрами, живущими в снегах. Глаза мужчин невольно пали на руку бандита, точнее на то несуразное, покрытое буграми побагровевших шрамов ее подобие. Левая конечность

мужчины сильно пострадала и почти не функционировала, но она спасла его, застряв в глотке твари.

Лёс внутренне похолодел – он все видел, это случилось на его глазах и не только на его. Воспоминания, от которых вспотели ладони, всплыли сами собой.

* * *

Утопая по колено в рыхлом снегу, пятеро закутанных с ног до головы в самую разнообразную одежду путников упорно пробирались к намеченной цели. Они шли медленно, теплые вещи, словно импровизированные скафандры, стесняли движения. Лица – с натянутыми масками из шерстяных шапочек с прорезями для глаз, затянутые шарфами, все тщательно сокрыто от колючих укусов мороза.

День выдался ясным и морозным. Небольшой ветер вкупе с 50°-м морозом, конечно же, усиливал крепость последнего. Не привыкшие к таким климатическим условиям люди, ослабленные полуголодным состоянием, быстро выбились из сил. Однако поворачивать назад, сославшись на невероятные трудности, признать свою слабость, никто себе позволить не мог. Именно от их силы воли и упорства зависела жизнь остальных членов общины. И осознание того, что на тебя возложена столь большая ответственность, придавало силы. Заставляло передвигать плохо слушавшимися ногами, мышцы на которых стали будто каменными.

Город был пуст. Звон от давящей на уши тишины начинал сводить с ума. И куда делись полчища живых мертвецов – может, невероятный холод тоже на них повлиял? Хотя это было бы странно с точки зрения тактики. Инопланетяне, устроившие «мертвую зиму» (название прижилось среди возрожденцев, когда майор случайно обронил эти слова), не могли так опростоволоситься, не взяв в расчет того, что мороз может плохо повлиять на их мертвую армию. Однако факты упорно говорили о том, что зомбаков стало на порядок меньше. Что касается монстров, а именно: проглотов, аптекарей и переродышей, то их появления стали еще реже, чем в жаркие месяцы войны. Главари же как настоящие командиры не бросали своей разношерстной мертвой гвардии и периодически появлялись.

Из редких сеансов связи с другими городами, которые пришлось минимизировать из-за кончавшегося запаса топлива для генератора, люди

узнали печальные новости. А самая главная из них была о заморозке целой планеты. Говорили даже, что Японию и другие островные и полуостровные государства полностью покрыли снега, и толстый слой льда сровнял их с землей. А еще говорили, что рукотворная зима управляется с земли. Что Останкинская башня, уцелевшая разве что чудом (а может быть, и это было спланировано захватчиками), используется теперь гуманоидами. Они разместили на ее вершине какую-то установку, которая, как утверждают очевидцы, и меняет погодные условия. Что несколько раз за сутки в небо над столицей нашей родины выстреливает синий луч, прямо с вершины бывшей телевизионной башни. О таких вот установках было известно не только в Москве – другие города тоже подтверждали их наличие. Подобраться и разрушить хитрые инопланетные устройства не представлялось возможным, так как сами они были покрыты невидимыми силовыми полями, как и прилегающая к ним территория на несколько десятков метров вокруг. Человека, попавшего в защитное поле, разрывало на куски. А после каждая оторванная конечность оживала и начинала функционировать как отдельный организм. Постепенно мутируя и превращаясь в существо, похожее на таракана, не без схожести его с «материалом», из которого он, собственно говоря, произошел. Человекотараканы были неагрессивны и не нападали на людей, они вообще не покидали пределов силового поля, в котором по-прежнему оставался свой микроклимат. Росла трава, на деревьях висела желтеющая листва. Но что будет тогда, когда кому-то удастся пробить этот непреодолимый барьер? Как поведут себя эти жуткие монстры?

– Привал! – крикнул шедший впереди всех Сивый и махнул в сторону ближайшего пятиэтажного дома.

Люди, идущие одной шеренгой, ступая след в след, конечно же, были рады этому новому распоряжению и поспешили за старшим группы. С того момента, как они покинули пределы убежища, прошло не больше полутора часов, однако этого вполне хватило, чтобы путники совсем вымотались.

Не вызывавшее никаких опасений строение с частично выбитыми стеклами и вырванными дверями подъездов огрызнулось одиноким оружейным выстрелом. В мертвенно тихом городе этот звук произвел колоссальное впечатление, заставив не ожидавших подвоха людей броситься врассыпную. Впрочем, в снег, как будто бы он спасает от пули, прыгнули не все.

Меня же в сугроб опрокинуло само скользящее попадание в плечо.

В доли секунды сориентировавшийся Сивый открыл огонь из автомата по одному из оконных проемов второго этажа. Кто-то взвизгнул, застонал, послышались невнятные бормотания. Характерное для зомби поведение отсутствовало – значит в доме был кто-то другой, возможно даже человек. Хорошо, если он один, а если это банда мародеров? С наступлением «мертвой зимы» нападения таких вот группировок, обычно немногочисленных, шесть-десять человек, участились.

– Лёс, ты как, куда тебя?! – подскочивший Пашка Клим протянул мне руку в шерстяной перчатке. – Встать можешь?!

– Да нормально все, – прокряхтел я, хватаясь за руку друга и вскакивая из сугроба. – Вскользь меня, через одежду, навылет.

– В здание, быстро, будьте начеку! – скомандовал бывший десятник и устремился к дверному проему, увязая в глубоком снегу.

Молчавшие все время анархисты Макс и Серж (они вообще мало говорили, когда заканчивалась травка – «горстка для скорости», как называли ее сами парни) бросились следом, стараясь держать разбитые окна под прицелом калашей. Мы с Пашкой последовали их примеру.

На втором этаже, в одной из комнат, из окна которой по нам стрелял снайпер-неумеха, нас ждал сюрприз. Конечно, сейчас мы были готовы ко всему, но никак не к тому, кто предстал пред нашими глазами.

На вид мальчишке было лет десять-двенадцать: худое, заострившееся лицо, загнанный взгляд глубоко посаженных глаз, непомерно большая одежда болталась на высушенном теле словно на узнике Бухенвальда.

Мальчик лежал на грязном полу, поджав под себя ноги, маленькая сухая ладошка, посиневшая от холода, прижимала темно-бурое пятно, проступившее на рваном плече. Ружье, из которого он отважился стрельнуть, лежало рядом.

– Черт! Ну зачем ты стрелял, пацан? – нервно проговорил сивый. – Тебя нам еще не хватало!

– Дай посмотрю, что у тебя с плечом? – сказал я, приближаясь. Мальчик дернулся в попытке отползти, лицо его исказила страдальческая гримаса. – Да не бойся нас, мы не бандиты…

– Берегитесь! – казалось, в этот крик раненый мальчик вложил все свои оставшиеся силы.

Я резко обернулся, и в эту же секунду прогремел первый выстрел. Макса, принявшего огонь на себя, швырнуло об стену. Парень, ударившись головой о кирпичную кладку, рухнул как подкошенный. Только бы раздобытый им бронежилет выдержал попадание.

Череда выстрелов из разнообразного оружия сотрясла помещение, расщепляя и дробя дверной проем. Однако на этом попадания стрелявших и закончились. Наш небольшой отряд с успехом укрылся в двухкомнатной квартире. Потерявшего сознание атлета Макса оттащили в безопасное место, подальше от дверей.

– У вас есть возможность выжить! – долетел до нас приглушенный уверенный голос. – Я думаю, вы это оцените, все, что требуется для удачной сделки, – так это попросту сложить все ваше барахло в кучу и свалить, не провоцируя нас!

Мы молчали.

– Ну же, смелее, или вы хотите повторить судьбу своего товарища?! – издевательским тоном продолжил невидимый парламентер. – У вас есть минута, чтобы сделать правильное решение, в противном случае все вы сдохнете, уж поверьте моему слову!

– Сколько их? – тихо спросил Сивый, повернувшись к раненому мальчику.

– Пять, – одними губами ответил тот. В глазах ребенка стояли слезы.

– Косой, с каких это пор ты стал таким грозным, уверенным в себе, даже время мне и моим ребятам на раздумье выделил? – неожиданно громко крикнул бывший десятник.

Повисла тишины, я с нетерпением ждал ответа, удивляясь происходящему.

– О-о-о, кого я слышу, Сивый, это никак ты?! Выжил все-таки, крысеныш поганый! Правильно, таких гнид нелегко замочить!

– По голосу слышу, не рад ты мне?! – невозмутимо продолжил бандит, подмигнув мне. В это время рука его скользнула в кармашек самодельной разгрузки, доставая гранату. – Так разве относятся к старым приятелям?

– Так относятся к предателям!

– Опа, с этого места прошу поподробней?! – Сивый бесшумно двинулся вдоль стены к пустому дверному проему. – Это кого я предал, Косой?

– Юрий Алексеевич зря пригрел такую змею, как ты, у себя на груди! – зло заорал его оппонент. – Говорил я ему, что ты струсишь, сбежишь, предашь в ответственный момент, только он не слушал! За что и поплатился!

– Что за бред ты несешь, Косой, у тебя от водки совсем мозги высохли? Я никого не предавал, десятник умер у меня на глазах, сгорел дотла, ничего не осталось, только горстка пепла!

– Был бы я рядом, этого бы не произошло!

– Я всегда знал, что ты хочешь занять мое место! – жестом Сивый приказал мне и Пашке продвигаться к выходу, у которого уже стоял сам, специально говоря в обратную сторону от двери и прижимая ладонью рот, чтобы его голос оставался далеким для ушей находившихся в засаде людей. – Нездоровое у тебя влечение было к боссу! Я даже в сомнениях мучился по части твоей ориентации, а послать запрос на ту зону, где ты срок мотал, сейчас не представляется возможным! Ребята, что сейчас с тобой из наших, или новенькие – я думаю, им интересно будет узнать тебя поближе?!

– Ты охренел, Сивый, ты что, под петуха меня подписываешь? – в негодовании взревел Косой, послышались тяжелые шаги. – Да я тебя…

– Да нет, ты сам определился!

Граната взорвалась прямо посреди бегущих. Банду мародеров разметало по лестничной площадке. Так что мы с Пашкой, выскочившие вслед за прогремевшим взрывом, обнаружили одни лишь окровавленные трупы.

– Нервы – все беды от них, – спокойно произнес бандит, подходя к одному из тел. Рывком перевернул его на спину, заглянул в единственный остекленевший глаз. – Вот так вот, Косой.

Хорошенько обыскав пятерых мародеров, так удачно убитых одной лишь гранатой, мы разжились нескудным трофеем. Вооружение банды состояло в основном из охотничьих ружей, отличался в этом случае лишь сам предводитель – Косой, у него был АК-47. С едой у грабителей тоже было неплохо: восемь банок тушенки, пять рыбных консервов, три пачки чая, сухари, конфеты и печенье. Ну и конечно же – водка! Десять бутылок, причем пять из них Косой носил в своем бесформенном вещмешке.

Раненого мальчика, которого звали Игорем, мы взяли с собой – не бросать же ребенка в беде. Он не был виновен в том, что стрелял по нам, бандиты использовали его как наживку, а он в свою очередь пытался выжить и исполнял все поручения.

Сивый извлек из его плеча пулю и обработал рану. Игорь героически стерпел боль и даже не заплакал.

Анархист Макс также отделался легко – вместо дырки от пули в спине, от которой спас бронежилет, получил шишку на голове.

Наш поход сквозь заснеженный город продолжается. Цель ясна – автопарк снегоуборочной техники. Но как добраться до него, когда на пути столько препятствий?

Никто тогда не знал, с чем нам придется столкнуться часом позже, после короткого боя с мародерами.

Ангар с техникой, на удивление всем, оказался не тронутым войной. Строение выглядело таким, каким и было всегда, взрывы, стрельба и огонь так и не добрались до этого места. Кому летом вздумалось бы сюда забираться и угонять снегоуборочные машины? Это, несомненно, радовало, теплилась надежда, что

трактора в рабочем состоянии и есть топливо хотя бы на первое время.

Ржавый замок разлетелся от выстрела, Сивый откинул тяжелый дверной запор. Заваленные плотным снегом двухстворчатые ворота ангара даже не шелохнулись, когда бандит потянул за ручку.

Несмотря на теплую одежду, крепчающий к полудню мороз все плотнее сжимал наши тела в свои ледяные клещи. А тут еще снег, который пришлось разгребать руками. Занятый работой, я не успел понять и разглядеть, что произошло.

Крик Игоря заставил вздрогнуть – мальчика, находившегося рядом со мной, смело будто смерчем. Нечто длинное, около шести метров, змеевидное, покрытое густой белой шерстью исчезло под слоем снега. Лишь окровавленный ботинок, непомерно большой, нелепо смотревшийся на ноге ребенка, остался на белой поверхности.

Не в силах ничего вымолвить, оцепенев, мы смотрели на то, что осталось от мальчугана. А разум предательски рисовал нам ужасное чудовище, что скрывалось под снежным настилом и, возможно, уже выбирало новую жертву, заморив червячка ребенком. Даже Сивый, первым скинувший с плеча автомат, казался растерянным, что уж говорить о нас.

Монстр в снегах бездействовал недолго. Второй молниеносный выпад твари сбил с ног наиболее сильного его противника, коим являлся бывший десятник. Сивый ничего не успел сделать, лишь отлетевший в сторону автомат ударил о стальные ворота ангара, а его самого закружило в сугробе словно в снежном вихре. Открывать огонь никто не решался, слишком велик был риск задеть самого бандита. Нам ничего не оставалось, как только смотреть за этой жуткой бойней и надеяться на чудо. И осознание того, что если Сивый проиграет, то мы все, один за другим, будем растерзаны этим новым монстром, давило на нас многотонной плитой безысходности.

Однако счастливчику бандиту сегодня чертовски везло. Уши резануло шипение и писк. После чего существо, опутавшее Сивого на манер питона, вздрогнуло, по всем многочисленным кольцам его мохнатого тела прошла судорога, и оно обмякло, ослабив смертельные объятия. Бандит еще раз провернул свой боевой нож, вогнанный в череп змеевидной твари, и выдернул его.

– Ну чего вылупились-то, помогите мне наконец! – прохрипел он, выводя нас из ступора. – Эта тварь мне руку успела заглотить!

– Мать твою, это что за хрень такая! – Серж первым подскочил к бандиту. – Вот срань, вроде змея, а шерстью покрыта…

– Надо челюсти разжать, – подоспевший Клим в нерешительности взялся за сомкнутые на руке бандита зубастые жвала бестии. – Ну-ка помогите мне, ребята!

– Скорей, скорей, пацаны, сил уже нету терпеть, – зашипел Сивый, в его мутных от боли глазах стоял страх. – Жжет мочи нет, может быть, яд действует, если у этой твари он есть! Тогда все, мне кирдык, братва, отбегал свое!

– Да ты жути не нагоняй, у таких больших змеюк обычно яда нет, – успокаивающе сказал я, помогая другу освобождать руку.

– У земных, может, и нет, а у этого лабораторного эксперимента пришельцев может быть все.

Мертвый монстр не вызывал страха, отвращения и выглядел вполне мирно. Белый, как говорится, и пушистый, с желтыми с ромбовидным зрачком глазами. И только контур тела проглоченного целиком мальчика нелепо и страшно проступал на его длинном теле.

Конечность бандита удалось освободить далеко не сразу, загнутые назад клыки снежного змея даже после смерти его самого не хотели отпускать свою жертву. Только после того, как всю голову твари искромсали ножом, операция увенчалась успехом, однако на саму руку Сивого было страшно смотреть.

* * *

– Эй, ты что, оглох?! – Клим толкнул Лёса в плечо, вырывая из пучины воспоминаний. – Пошли, говорю, ребята вернулись, надо помочь разгрузиться.

– На них напали! – стоявший на пороге Ромка Файзулин, двадцати пять лет отроду, высокий, худощавый, с черными, как смоль, волосами, которого все

звали просто Файзула, пытался отдышаться. – Еле ноги унесли, Грек с Игнатом погибли, Серж ранен, остальные вроде целы.

Шокированный такими известиями, Денис вскочил с кровати. Нехорошее чувство, холодом засевшее в груди парня с того самого момента, когда группа уехала на поиски пропитания, было оправдано.

– Черт! – ладонь Звягина звонко ударила по столешнице, глаза гневно сверкнули. – Кто это был? Кто на них напал?!

– Монстры, – развел руками Файзула. – Они говорят, что таких еще не видели.

Интерлюдия 2

Берлинские страсти

Was macht ein Mann,

Was macht ein Mann,

Der zwischen Mensch und Tier

Nicht unterscheiden kann?

Was?[1 - Что делает мужчина,Что делает мужчина,Который не знает различийМежду зверем и человеком?Что?(нем.)]

Rammstein, «Tier», album «Sehnsucht», 1997 г.

– Да как ты смеешь, сучка, ты на кого руку подняла, маленькая дрянь!!! – заорал Ганс, брызжа слюной. Удар кулаком в лицо сбил Хельгу с ног. Девочка упала на заваленный грязным тряпьем диван. – Я тебя спрашиваю, стерва! Забыла, кто тебя спас, кто кормит тебя, защищает?! Отвечай!

Ганс нагнулся к плачущей девушке, тщетно пытавшейся остановить хлещущую из носа кровь. Хельга была так слаба и беззащитна, она была еще девочкой, ей едва исполнилось шестнадцать.

– Что, дар речи потеряла? – мужчина снова был пьян, его глаза светились злобой, но она постепенно уходила, сменяясь похотью. Девочка знала этот взгляд, в такие минуты она была готова на все. Почти на все. Даже на боль, пусть бьет, она потеряет сознанье и не будет реагировать на его извращенские штучки. – Ну зачем же ты огорчаешь меня, маленькая моя? – голос Ганса стал хриплым, он принялся грубо ощупывать упругое молодое тело. Девушка заплакала, попыталась сомкнуть ноги, но ее насильник успел засунуть между ними свою руку. – Расслабься, тебе будет хорошо, вот увидишь.

Он толчком проник в нее, не снимая собственной вонючей одежды, которую носил, наверное, с самого начала этой ужасной зимы, и тяжело задышал.

А ведь когда-то он был ее соседом. Взрослый угрюмый дядя, который жил на одной с ней лестничной площадке. Который изредка разговаривал с ее отцом, когда они встречались в подъезде, он жал ему руку, спрашивал, как дела. А Хельге он просто кивал, едва улыбнувшись краями губ. Да, когда-то он был другим, и девушке даже было жаль этого одинокого человека, не знающего радостей семейной жизни.

Все было другим. У нее были родители, маленький братик, подружки, с которыми они весело проводили время, школа, где в одном с ней классе учился Тилль Цукерман. Боже, какой же он был красивый, хорошо сложенный, безоговорочный лидер среди остальных мальчишек и по праву занимающий должность капитана в школьной футбольной команде!

Крупные слезы потекли из глаз Хельги, она пыталась представить на месте Ганса его, Тилля. Но как, ведь с ним у них ничего не было? Парень, с которым она начала встречаться на зависть всем девчонкам в школе, не спешил с этим. Хотя она точно знала, что Цукерман страстно желал ее. Особенно тогда, во время летнего похода, когда они остались наедине, укрывшись от дождя в трехместной палатке.

Ганс всхлипнул, застонал, больно трясь небритым подбородком о ее шею, все его тело сотрясла сладостная судорога. Хельгу исказило от отвращения, она

чувствовала, как его семя заполняет ее.

– Тебе понравилось? – перегар ударил в нос девушки, мужчина с надеждой смотрел на нее. Хельга перевернулась на живот и закрыла ладонями измазанное в крови и слезах лицо. – Ничего, маленькая блудница, тебе еще понравится, сама будишь умолять меня сделать с тобой что-нибудь эдакое!

Она молчала, зная, что все повторится через полчаса. А сейчас Ганс снова нальет себе спиртного, откроет банку с консервами и будет пить, куря одну сигарету за другой.

Как же она ненавидела его! А что еще больше – боялась. Поэтому всякие попытки убить пьяного мужчину, забывшегося смертельным сном, отпадали, не сумев сформироваться даже в ее воображении.

Убежать? А куда? Куда она пойдет в этом обледеневшем городе, где снежные сугробы достигали балконов вторых этажей? А на улицах монстры и ходячие мертвецы. И как бы ни было горько признавать тот факт, что она полностью зависит от этого старого извращенца, именно так это и было.

Отец. Девушка надеялась, что он когда-нибудь вернется, сможет добраться до дома и убьет этого мерзкого червя. Заразившиеся мама и брат умерли на ее глазах. Ганс зарубил их, а потом отвел ее к себе домой, успокаивая и убеждая, что с ним ей будет безопасней. С тех пор она здесь, в этой тюрьме, в этом аду! И только надежда на то, что отец, уехавший в командировку до событий, случившихся в городе, вернется, поддерживала в ней стремление жить.

Во входную дверь негромко, но требовательно постучали. Хельга вздрогнула, переворачиваясь на спину.

– Тсы-ы-ы-ы, – приставив палец к губам, прошипел Ганс, хватаясь за длинную рукоять своего топора.

– Ганс, сосед, это я, Кристоф! Кристоф Шнайдер! – приглушенно произнес человек за дверью. Хельга не поверила ушам – столько месяцев ожидания, постоянное нервозное состояние, подавленность, побои от рук взрослого мужчины, унижение и сексуальные домогательства, может быть, они довели ее? У нее поехала крыша? А больное воображение сыграло с ней злую шутку?

– Сосед, это я, ты еще живешь здесь?

Сомнений больше не было, это ее отец! Папочка! Папуля!

– Я здесь, папочка, спаси меня, я здесь! – сквозь плач прокричала девушка. – Спаси, папа…

Ее отчаянный крик заглушил грохот выстрела. Замок вылетел, а дверь с силой распахнулась. На пороге стоял отец. Большое количество одежды, надетой друг на друга, чтобы спастись от лютых морозов, не скрывало того, что мужчина сильно похудел. Потемневшее лицо, на котором совсем непривычно смотрелась рыжая борода, испещрено шрамами, голубые глаза, словно крупинки льда, смотрят то на притаившегося соседа, то на плачущую дочь.

– Что ты с ней сделал, мразь!!! – такого голоса она еще не слышала от своего отца. – Что ты сделал с моей девочкой?! Отвечай, паскуда!

– Эт… эт… это не то, что ты думаешь, Кристоф! У нас с ней все обоюдно, я бы никогда не смел притронуться к ней, если бы она не позволила…

Нелепые оправдания оборвались. Кристоф, в один миг преодолевший расстояние, разделяющее их с Гансом, саданул его прикладом дробовика в лицо. Насильник отлетел, опрокидывая небольшой стол с расположенной на нем снедью. Захрипел, захлебываясь кровью, давясь осколками собственных зубов.

Хельга неожиданно для самой себя засмеялась. И этот смех был страшен.

Обезумевший от ярости отец продолжал наносить удары, превращая голову Ганса в кровавое месиво. А она хохотала, как никогда в жизни, наслаждаясь предсмертными конвульсиями агонизирующего насильника.

Ворвавшиеся в комнату вооруженные люди застыли, наблюдая за происходящим. Их замершие лица, словно маски, не выражали ничего. Слишком много крови на их руках – сотни смертей, отразившихся в их глазах, таких мало чем удивишь.

Теперь все наладится, Хельга твердо знала об этом, ведь рядом ее любимый папа. А заснеженный Берлин не будет таким холодным, когда рядом есть любящий человек.

Глава 2

Начало пути

– Так продолжаться больше не может, и вы все, немногочисленные жители нашей общины, думаю, с этим согласны? – спросил майор, обводя взглядом всех присутствующих. Люди, собравшиеся в полутемной столовой, закивали, ропща на судьбу, на невыносимые условия, на «мертвую зиму», голод и всяческие другие лишения. И только поднятая вверх ладонь Звягина смогла унять начавшийся гомон. – Нужно кардинально менять нашу жизнь! Да, мы к этому шли, стремились, но последнее нападение мертвецов, а потом и наставшая резко зима, мягко говоря, смешали наши карты.

Эльмира, сидевшая рядом с Денисом, испуганно сжала его ладонь. Слова майора означали одно – что скоро им придется расстаться.

– Отсиживаться здесь и ждать того, что очередной поход за едой, топливом, медикаментами станет последним. Нет! Такую смерть я бы не хотел себе. Уж лучше в бою, за нужное, правое дело! Пусть мои слова звучат пафосно, но это так! – задыхаясь от волнения, что было весьма редко, говорил бывший военный. – Нашим друзьям из сопротивления, что более организованно в других городах, крупнее нашего, удалось выяснить причины этой лютой зимы. Все еще можно изменить, они в этом уверены. Искусственная зима поддерживается инопланетными устройствами, или так называемыми замораживателями, что расположены в уже известных местах, в разных точках страны, практически в каждом крупном городе. Это информация ранее доводилась до вас, но в более сжатой форме. Сейчас мы обладаем более полными сведеньями. И могу заверить в одном: нашим друзьям из соседнего Новотроицка удалось найти способ, как подобраться к ближайшей к нам установке, располагающейся на телевышке.

– Класс! – не сдержался Серж; несмотря на свежее ранение в ногу, выглядел он бодро. – Значит, командировочка предстоит!

– Да, предстоит, – майор подался вперед, упершись руками в стол. – Только, я думаю, не все этому рады, как ты, Серж! – его глаза на мгновение встретились с Лёсом. Звягин знал об их с Эльмирой связи, они одни из немногих были здесь парой. – Поэтому принуждать кого-то к этой рискованной операции я не собираюсь. Не имею права такого. Могу лишь добавить: у любого из вас есть шанс погибнуть за банку консервов или же за реальное изменение хода войны – выбирайте.

Сборы. Переезд. А все прекрасно знают, что переезд – хуже пожара!

Бьющая путь в снегу впереди колоны машин снегоуборочная техника, а в нее входило ни много ни мало два трактора: К701 и МТЗ-80 «Белорус», довольно хорошо справлялась со своей задачей.

Перевезти все и всех за один раз не представлялось возможным. Поэтому первым рейсом было принято решение отправить женщин и девушек, не имеющих детей. Запасы топлива не позволяли сначала пробить путь и произвести разведку. Поэтому риск отправившихся в первой партии людей многократно возрастал.

Бомбоубежище, расположенное под заводским комплексом «Никелькомбината», встретило людей на удивление спокойно. Два десятка невероятно медленных, промерзших мертвецов, бродивших по территории, были абсолютно беспомощны. С ними играючи расправились: Лёха, племянник майора, с быстро прилипшим и звучным прозвищем Шрам (его лоб украшала багровая борозда, оставшаяся от глубокого пореза), и Файзула, соревнуясь в забаве – кто больше.

Замок, что Сивый повесил на оружейный склад, располагавшийся в первой части убежища, также остался нетронутым, весь арсенал был в целости и сохранности. Такое везение наводило на мрачные мысли о том, что после невероятной, удивительной удачи обязательно случится нечто очень плохое. И это, конечно же, случилось.

Вторая партия перевозимых в бомбоубежище людей, напичканных в имеющуюся технику словно шпроты в банку, уже подъезжала к месту назначения, когда с серого, низкого неба сорвались крылатые твари.

Монстры с размахом крыльев до пяти метров не были похожи ни на одно из земных существ, живших когда-либо на земле. Чужеродность этих крылатых бестий наводила ужас.

Комок черных змей, переплетенных друг с другом, откуда беспорядочно торчали шипастые и когтистые конечности, – и всю эту мерзость поддерживали в воздухе рваные перепончатые крылья. Ко всему прочему эти уродливые существа жутко орали, плюясь по движущейся технике черной вязкой слизью.

– Воздух! – заорал Сивый, будто герой советского фильма про войну, вдавливая педаль газа. Нива «Шевроле», замыкавшая колонну, послушно понеслась вслед остальной технике. Сидевшие друг на друге на заднем сиденье четыре женщины и два ребенка с побелевшими от страха лицами напоминали сейчас мертвецов. – Мать моя женщина, этого нам еще не хватало! Нужно валить по холодку, пока ветер без сучков, правильно я говорю, Лёс?!

Денис кивнул, передернул затвор автомата. Стрелять на ходу не самое лучшее занятие, а когда опыта в этих делах нет совсем, то это становится в сотню раз трудней. Однако стрельбы уже было не избежать, она хоть как-то отвлекала от страха, придавала уверенности.

С других машин уже открыли огонь, и первыми в этом деле были анархисты Серж и Макс, что неслись на своей разукрашенной «Волге» впереди всех. Старенькая машина, несмотря на погоду, не подводила и совсем недавно внешне преобразилась. Макс, неплохо владевший искусством граффити, внес новые красочные образы, которые вкупе с основным знаком анархии на капоте машины выглядели очень органично. Черепа, что проступали сквозь тьму на дверцах машины, смотрелись будто настоящие, а огонь, бурливший в их пустых глазницах, казалось, вот-вот вырвется и обожжет смотрящего.

Летучие гады не отставали не смотря ни на что, и даже смерть и ранение нескольких их собратьев не смогли повлиять на их упрямый характер. Над несущейся на всех парах техникой теперь кружилась гигантская воронка, состоящая из более чем полусотни существ. Периодически из ее тонкого основания вырывались несколько гадин и, разделившись, устремлялись каждая к своей цели. Слизь, которую так метко разбрызгивали существа, медленно, но верно проявила свои скрытые способности. Обшивка машин, стёкла и все то, чего коснулось вязкая жидкость, начали плавиться и разрушаться.

– Вот твари, они нам всю машину уделают! – глаза Макса светились от ярости. – Ну-ка, дамочки и их детишки, прошу поднять ваши ноги вверх! – не терпящим возражения голосом проговорил парень, оборачиваясь к утрамбованным пассажирам. – У меня тут на полу сюрприз припасен!

– Давай, Макс, шарахни по ним! – Серж, что выжимал из «Волги» все что можно, в нетерпении запрыгал на сиденье, когда в руках Макса появился гранатомет. – Бей в воронку, прямо в центр!

– Без сопливых уж как-нибудь разберемся, – шутливо бросил его напарник, протискиваясь в открытое окно. – Скорость лучше сбрось и веди ровней, гонщик, твою мать!

Серж послушно исполнил требуемое, и тогда Макс, не теряя времени, разрядил свое оружие. Граната, ударившись о движущуюся черную массу, взорвалась. Воронка из тел летучих змеенышей потеряла всякую форму, разлетелась на множество частей, орошая снег рваными, обожженными останками.

– Ни хера себе, а я до последнего сомневался, что ты попадешь! – заликовал Серж. – Ты где так из этой пушки стрелять научился, в кино подсмотрел?!

– В армию ходил, в отличие от некоторых, чью жопу богатенький папа откупил, – без всяких эмоций произнес качок. – Вот так вот, друг, а ты говорил, что от долга родине, который, естественно, не занимал, пользы нет.

– Уходят, улетают, гады! – не веря своим глазам, закричал Лёс. – Получили по полной!

– Молодцы, пацаны! – похвалил Сивый, снижая скорость. – В этот раз отбились! Это нам повезло, что у них РПГ был, только вот гранат на него совсем мало осталось.

* * *

Напуганные нападением летучих чудовищ, которых стали называть просто – змеенышами, люди постепенно приходили в себя, осваивались в новом жилище, разбирали вещи и постельное белье.

– Значит, эта ночь последняя? – в больших карих глазах Эльмиры стояли слезы. – Утром вы уезжаете?

– Ты что, уже хоронишь меня? – как можно бодрее спросил Лёс. – С чего ты взяла, что она последняя, будут у нас еще ночи и дни, даже надоесть друг другу успеем, вот только разберемся с гуманоидами!

– Я не шучу, ты можешь не вернуться.

– И я не шучу, если будет суждено, то вернусь, если нет, то значит так на роду написано.

– Не верю я больше во всю эту чепуху с судьбой, Денис, сказки все это! Неужели у большей половины человечества на земле где-то там «на роду» написано, что все они должны умереть и превратиться в ходячие трупы?! Бред!

– Знаю я, – Денис привлек девушку к себе, обнял, уткнувшись в волосы, напрочь пропитавшиеся запахом пищи. – Ну а какого ответа ты от меня ждешь? Какой гарантии? В нашем случае остается только одно – надежда, а она, как ты знаешь, умирает последней.

– Это я умру тут без тебя, – уткнувшись в плечо парня, тихо сказала Эльмира.

– Не говори ерунды, никто еще не умирал от разлуки! – строго посмотрел на девушку Лёс, нахмурив брови. – Все, завязывай со слезами, устроила тут страсти не хуже мексиканских сериалов! Тебе еще ужин с Иринкой готовить и кормить потом всех, дуй давай на кухню, у меня у самого еще дел много.

– Как же, с Иринкой, найди ее сейчас, совсем стыд потеряла! И этот твой друг Пашка хорош, запудрил девчонке мозги, а она наивная…

– А что здесь такого? Ну зажимаются молодые люди в разных углах, это ж молодость, гормоны! – улыбаясь, развел руки в стороны Денис. – Да и время нынешнее не для глубоких раздумий и нравственных ценностей, которые еще до войны утерялись…

– Конечно, конечно, мужская солидарность, хватит философствовать! – Эльмира нарочно сделала строгую гримасу. – Знаем мы ваши гормоны, как и нравственные ценности.

* * *

Ночь пронеслась, и, казалось бы, совсем недавно смежавшиеся веки раскрылись от звука будильника.

– Клим, вставай, нас ждут великие дела, – хриплым со сна голосом проговорил Лёс.

– Уже утро? – разбуженная Эльмира потянулась, прижимаясь к Денису.

– Да слышал я, не глухой, – недовольно отозвался Пашка. – Встаю.

– Так быстро ночь прошла – мне кажется, я совсем недавно уснула, – сонно отозвалась Ира, спавшая вместе с Климом.

Бомбоубежище было большим – в нем легко могло разместиться до пятисот человек. Еды и спальных мест хватило бы всем. Однако выживших возрожденцев было гораздо меньше, поэтому люди чувствовали себя здесь весьма привольно и даже смогли выбрать отдельные апартаменты.

Друзья решили не разделяться и заселились со своими спутницами в одну небольшую комнату, разделив ее пополам громоздким шкафом и повесив занавески. Девушки на скорую руку навели марафет, сделав казенное помещение уютным, похожим на настоящий дом. Только вот жить в нем пока что предстоит им одним.

Встать раньше, за час до общего подъема, которым теперь командовал Сивый, парни договорились еще вечером. Предстоящий путь, возможно, станет последним в их жизни, и поэтому друзья решили не отходить от вековых традиций своего народа и погладить дорожку. Пусть говорят, что с утра пьют либо аристократы, либо дегенераты. Тем более что вместо пресловутого шампанского у них была водка.

Девчонки оперативно накрыли на стол, от изобилия мясных и рыбных блюд с различными гарнирами в прямом смысле кружилась голова. Давно возрожденцы не видели столько запасов съестного, коим было завалено несколько пищевых складов.

– Плескай! – оглядев граненые стаканы, весело произнес Пашка, потирая ладони друг об друга. – Что тянуть!

Лёс молча разлил спиртное.

– Майор Звягин этого не одобрит, – сидевшая рядом с Климом Ирина с тревогой посмотрела на молодых людей. – С утра и водку…

– Так кто ж ему об этом скажет, – хохотнул Пашка. – Стукачей средь нас нет, а если и заведутся, сам лично пристрелю!

– Давай, – произнес не разделявший веселого настроения друга Лёс, беря свою порцию спиртного. – За удачный поход и за скорое возвращение!

* * *

Они выехали, когда рассвет едва забрезжил на горизонте, пролив на белую снежную гладь кровавые краски. Как и предполагал бывший военный Петр Михайлович Звягин, не всем по душе пришлась затея покинуть новое убежище и отправится в неизвестность. Упрекать в этом кого-то не входило в его планы, к тому же оставшиеся женщины и дети нуждались в защите, пусть и находились в самом безопасном месте в этом городе. Однако в расчет стоило брать и то, что враг – это не просто тупые зомби с единственной потребностью жрать, а порой коварные и очень умные монстры, выведенные инопланетными оккупантами.

К-701, за рулем которого сидел Ромка Файзулин, шел впереди, расчищая путь. В прицепе, что тянул за собой трактор, уместились дизельный генератор и несколько бочек с топливом, а также радиостанция, спрятанная в небольшой, но довольно теплой будке, которую сколотили второпях из подручных материалов. Сам создатель аппаратуры, Леха Шрам, расположился здесь же, периодически вступая в переговоры с ждущими подмоги новотройчанами. Второй трактор, «Белорус», решено было не брать из-за слишком большого расхода солярки.

Сивый, Лёс, Клим и Ванька Немец, разместившиеся в ниве «Шевроле», ехали вторыми. Следом «Волга», в ней майор, Серж, Макс. Колонну замыкал внедорожник Chevrolet, перевозивший большую часть всего арсенала, что взяли с собой возрожденцы. Крутил баранку джипа седовласый, малоразговорчивый дядя Витя, отправившийся в это безумное приключение с единственным выжившим членом своей семьи, сыном Колькой. Упрямый и смелый парень настоял на том, чтобы его взяли, несмотря на то, что сам отец был против этого. Юнцу совсем недавно исполнилось шестнадцать лет, а он рвался в бой и не хотел отсиживаться в убежище. Заставив чувствовать себя неловко совсем взрослых Женьку Гусака и Сашку Романова, решивших остаться в бомбоубежище.

Снег пошел ближе к обеду, сначала это были редкие, крупные хлопья, которые, кружась, медленно опускались на землю. Однако быстро снегопад приобрел совсем другой характер, теперь сквозь белую пестрящую пелену едва можно было различить впереди идущую машину. Бешеные порывы ветра без устали швыряли белую гвардию зимы, намертво запечатывая ее тельцами окна движущейся технике.

Люди с тревогой, до боли в глазах всматривались в белесую завесу. Ощущение того, что вот-вот кто-то страшный вырвется из-под ее защиты и нападет, не оставляло никого. Завывающий, словно и впрямь как зверь, ураганный ветер только усиливал эти ощущения.

Поначалу мелькавшие по сторонам размытые силуэты приняли за игру воображения. Однако когда в руках Лёса заработала рация и испуганный голос Файзулы проорал: «Монстры!!! Напали монстры!!!», все сомнения были развеяны.

– Не останавливаться! Гони вперед! – вырвав из рук Дениса рацию, закричал Сивый. – Остановимся – и нам хана!

Раздались первые приглушенные выстрелы. Лёс в отчаянье и испуге крутил головой, силясь хоть что-то разглядеть, автомат в руках уже ждал своего часа.

– Что за монстры, где они?!

Возмущенный Клим едва успел договорить, когда в машину что-то сильно ударило. Да так сильно, что едва не опрокинуло ее набок!

– Сука поганая! – зарычал бандит, проскрежетав зубами.

Существа, что гнались сейчас за машиной, были неимоверно быстры. Со всех сторон на ниву сыпались удары и толчки, выбивающие ее из прочищенной колеи, мешавшие движению.

– Это «снеговики»! – услышали все по рации голос Сержа. – Такие в прошлый раз напали на нас и убили Игната с Греком! Стреляйте в морду, там у них слабое место, а шкуру почти не пробить… – речь его прервалась отборной руганью, затрещал автомат.

Покрытый длинной белой шерстью монстр вылетел, казалось бы, прямо из-под колес. Мощное, грациозно движущееся тело, имевшее сходство как с обезьяной, так и с медведем, ударилось о лобовое стекло. Одному богу известно, как оно не разбилось, покрывшись кривыми нитями трещин. Тварь перелетела через капот и с грохотом приземлилась на крышу. Не нуждающиеся ни в каких разъяснениях и приказах, трое молодых людей почти одновременно вынырнули из своих окон, открывая огонь. Жуткий рык раненой бестии заглушил звук их автоматов, резанул по ушам, пробирая до костей! Снеговик (Серж с Максом вновь отличились, придумав имя новому монстру) слетел с машины, расстреливаемый почти в упор, умудрившись на последок выбить из рук Немца его автомат.

– Урод чертов, он мне руку чуть не выдрал! – корчась от боли и зажимая хлещущую из руки кровь, застонал Ванька.

– Уродина! – поправил его Клим, меняя магазин.

– Хочешь сказать, это баба?! – удивленно отозвался Сивый, не сводя взгляда с дороги. – Самка, мать ее?!

– Да.

– Ну ты даешь, малец, тварь нас чуть на клочки не порвала, а он ей меж ног успел заглянуть!

– Если есть самка, значит есть и самец, – подметил Лёс, щурясь от хлещущих в лицо хлопьев снега. – А это значит одно – эти твари способны к размножению!

Новый монстр, словно призрак, выпрыгнул из белого пестрящего покрывала, Лёс едва успел отскочить от окна, прижимаясь к бандиту. Лохматая морда, чем-то напоминающая гориллью, протиснулась в салон, клацая зубастыми челюстями.

– Да на, жри! – заорал Денис, полрожка из калаша в один миг наполнили пасть снеговика, опрокидывая монстра под колеса машины. – Вкусно было?!

– С меня-то слезь! – заворчал Сивый. – А то пацаны не то подумают.

– Твари уходят! – зазвучал из рации голос майора. – Но будьте на чеку, в любой момент они могут вернуться! Все живы?

– Тута мы, – бодро отозвался Сивый.

– Пока да! – подтвердил Файзула.

– Да, – спокойно ответил дядя Витя.

– Еще дышу и даже на связи! – пошутил Леха Шрам.

– Продолжаем движенье! – удовлетворенно произнес бывший военный. – И помните: всё сейчас против нас, включая погоду, так что не расслабляемся! Поняли меня – не расслабляемся, повторяю для особо непонятливых, есть среди нас такая вот парочка…

– Правильно Иринка говорила, спалит нас майор с этой водкой! – Лёс, улыбаясь, посмотрел на Клима.

Интерлюдия 3

Со слов мертвеца

Боль.

Адская боль.

Казалось, ничего и никого больше не существует, есть только она и мое тело, агонизирующее на грязной лестничной площадке. Как ни странно, но я это понимал. Я знал, что мне и моей прежней жизни приходит конец.

Еще несколько вздохов, и мои легкие, заполненные кровью, отказываются выполнять свою функцию. Я рву на груди грязную рубаху, бью по ней кулаками. И откуда во мне взялись силы? Но все тщетно, кислород больше не поступает, и мрак, постепенно заполняющий мое сознание, становиться непроницаемым для света.

Голоса.

Их было много, они звучали в моей голове.

Я услышал их все и сразу. Они слились в один поток, объединенные страстным, сводящим с ума желанием – жрать! Да, именно жрать. Давясь большими кусками пищи, блюя и снова поглощая все это с неистовым аппетитом.

Боли, терзающей все мое тело, больше не было, она ушла, а с ней и все другие ощущения. Да нет же, ошибаюсь, одно ощущение все же осталось и с каждой минутой оно усиливалось. Теперь я начал понимать эти странные голоса. Они хотели того же, что и я. Они призывали объединиться. Так будет проще, так будет лучше. И я был в этом уверен.

Тело с трудом повиновалось мне, минут десять я просто пытался сесть. И, о чудо, это свершилось! Опершись рукой о стену, я впервые снова почувствовал свою конечность. Нет, это не было привычной работой мышц, я даже не ощутил кожей шероховатость стены. Однако само движение вызвало необычные ощущения, словно по костям прошелся электрический разряд, заставив их подчиняться.

Немного привыкнув к необычному поведению собственного тела и пройдя пару десятков шагов, я вдруг задался вопросом: а кто же я, собственно говоря? Кто

или что? Да, я ощущал себя в этом мире, я даже чувствовал связь с подобными мне, и их было много. Однако тех личностных воспоминаний, что формируют индивидуальность каждого в отдельности, просто не было. Спустя мгновение мысль об этом забылась, как и многие другие, что возникали позже.

«Идем, ты должен быть с нами… мы нуждаемся в тебе… тебе станет легче, иди к нам», – все громе и навязчивей звучали голоса в моей голове.

Чувство голода, вдруг сделавшееся невыносимым, придало уверенности моим робким шагам. Я ускорился, несмотря на то, что ноги отказывались сгибаться в коленях.

Сугробы на улице заставили удивиться. Раз лежит снег, значит есть и мороз. Впрочем, я могу и ошибаться. Но холода определенно не было, как и жары, ветра, сырости и других подобных явлений, которые я должен ощущать, как говорится, кожей. А должен ли?

Слова и ассоциации, связанные с ними, возникали и пропадали, как мне кажется, навсегда стираясь из памяти, образуя брешь, пустоту, которая быстро заполнялась новой информацией.

«Иди к нам… мы ждем тебя… ты нам нужен…»

Снег скрипит под босыми ногами. А где мои ботинки? Я с удивлением смотрю на синие стопы ног. Большой палец на левой безобразно вырван, а может быть, и откушен, но боли я по-прежнему не чувствую.

Голоса в голове манят, они помогают мне идти верным путем. Сомнений нет, есть четкая уверенность в том, что я все делаю правильно.

Возникший впереди силуэт почти не вызывает эмоций. Труп с покрытым инеем лицом и мутными стеклянными глазами, скривив челюсть на манер косой ухмылки, не мигая смотрит на меня. Грязная, окровавленная рубаха порвана на нем, на теле видны глубокие раны от укусов. Я делаю попытку поприветствовать его поднятой рукой и понимаю, что машу сам себе. Отражение в стекле уцелевшей витрины магазина повторяет мои нелепые движения.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Что делает мужчина,

Что делает мужчина,

Который не знает различий

Между зверем и человеком?

Что?

(нем.)

Купить: https://tellnovel.com/korolevskiy_dmitriy/ledyanye-truschoby

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити